

В.Т. Нарезный

Российский Жилблз

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
В11

В11 **В.Т. Нарезный**
Российский Жилблаз / В.Т. Нарезный – М.: Книга по Требованию, 2021. –
414 с.

ISBN 978-5-458-04176-8

В первый том сочинений В. Нарезного (1780-1825), одного из первых русских романистов, вошел "Российский Жилблаз, или Похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова" (1812) плутовской роман нравоописательного, резко обличительного направления.

ISBN 978-5-458-04176-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© В.Т. Нарезный, 2021

Василий Трофимович
Нарежный
Собрание сочинений в двух
томах
Том 1. Российский Жилблаз

Ю. Манн. У истоков русского романа

I

В 1825 году П. А. Вяземский опубликовал в «Московском телеграфе» «Письмо в Париж», в котором сообщал самые важные литературные новости: говоря о скором появлении двенадцатого тома «Истории государства Российского» Карамзина, о том, что Пушкин закончил поэму «Цыганы» и теперь как «новый Атлант» испытывает свои силы на новом поприще и пишет трагедию «Борис Годунов», критик заключал: «Надеюсь, вы обрадуетесь моим вестям, а теперь хочу удивить вас вестью почти неслыханною».

Какая же литературная весть могла показаться «почти неслыханною» на фоне даже таких явлений, как новая поэма или первое драматическое произведение Пушкина?

«На днях, — продолжает Вяземский, — прочитал я русский роман: «Два Ивана, или Страсть к тяжбам», сочинение Нарезного, который, к сожалению, умер прошедшим летом еще в зрелой поре мужества. Это четвертый роман из написанных автором. Не удовлетворяя вполне эстетическим требованиям искусства, Нарезный победил первый и покамест один трудность, которую, признаюсь, почитал я до него непобедимою. Мне казалось, что наши нравы, что вообще наш народный быт, не имеет или имеет мало оконечностей живописных, кои мог бы схватить наблюдатель для составления русского романа». Но Нарезный сумел развеять эти опасения.

«Несмотря на то, — заключал рецензент, — Нарезный умер, почти не слышав доброго слова о себе от наших журналистов...»¹

Отзыв Вяземского — самый проницательный и тонкий из появившихся до тех пор — достойно возвысил Нарезного как одного из первых, если не первого русского романиста. Вместе с тем было подчеркнуто, что Нарезного не поняли, не оценили в этой его функции. С тех пор и та и другая мысль — о заслугах Нарезного в создании русского романа и, так сказать, недооцененности этих заслуг — стали лейтмотивом всех критических суждений о писателе. Чтобы не приводить большого количества примеров, коснусь лишь одного эпизода посмертной литературной судьбы Нарезного.

Упомянутый эпизод относится к 1829 году. В этот год вышли четыре тома «Ивана Выжигина» Ф. В. Булгарина — произведения, имевшего у широкого читателя еще неслыханный успех и тотчас аттестованного самим автором и его литературными друзьями как первый русский роман. Это невольно воскресило в памяти облик умершего четыре года назад Нарезного. «...Бедный Иван Нарезный умер в безвестности, — писал 15 апреля 1829 года поэт И. И. Дмитриев, — и никто, еще и при жизни его, не сказал путного слова о его двух романах — «Бурсаке» и «Двух Иванах», не менее оригинальных и писанных с талантом, несмотря на черствость слога и отсутствие вкуса»². И. Дмитриев еще только ограничивает приоритет Булгарина в пользу его менее удачливого предшественника. Другой же современник, критик Н. И. Надеждин, убежден, что это величины просто несравнимые. Когда Фекла Кузминишна, персонаж его драматизированной рецензии на «Ивана Выжигина» («Вестник Европы», 1829, № 10, 11),

попробовала замолвить слово за новоявленное детище Булгарина, Пахом Силич Правдивин, бывший корректор, воплощение здравого смысла и эстетической пронизательности, с чувством воскликнул: «А ты разве не читала романов покойника Нарезного?.. Вот так подлинно народные русские романы! Правду сказать — они изображают нашу добрую Малороссию в слишком голой наготе, не отмытой нисколько от тех грязных пятен, кои наведены на нее грубостью и невежеством; но зато — какая верность в картинах! какая точность в портретах! какая кипящая жизнь в действиях!..»³

Спустя двенадцать лет В. Г. Белинский повторил это мнение, придав ему лаконичную, почти афористическую форму: «Романистов было много, а романов мало, и между романистами совершенно забыт их родоначальник — Нарезный»⁴.

Бывают писатели, чья посмертная судьба прихотлива и капризна, подвержена различным колебаниям и изменениям. Репутация Нарезного оказалась на редкость устойчивой и постоянной. И литературной науке не пришлось спорить с критикой — она просто переняла некоторые ее ведущие идеи. Переняла не только мысль о Нарезном как родоначальнике русских романистов, но и сетование о том, что писатель не был по достоинству признан и оценен. Только это сетование теперь уже не ограничивалось временем Нарезного, но последовательно доводилось до того хронологического рубежа, на котором находился тот или другой автор. Так, уже в преддверии нашего века автор первой и пока самой полной монографии о Нарезном Н. Белозерская, касаясь заслуг «нашего первого по времени романиста», с горечью отмечала: «В настоящее время немало найдется образованных людей, которые едва знают о существовании Нарезного, хотя помнят имена многих современных ему более мелких и даже бездарных писателей»⁵.

II

Нарезный писал не только романы, но и стихотворные произведения самых различных жанров, от басни до поэмы, драматические сцены и трагедии. В литературном наследии писателя романы выделились и возвысились как творчески самое ценное и значительное. По-видимому, и сам писатель пришел к этому выводу, сознательно самоопределившись как романист — или, во всяком случае, как прозаик — в результате своего недолгого, но достаточно бурного, исполненного превратностей жизненного пути.

Как и на многих русских интеллигентов начала XIX века, решающее воздействие на Нарезного оказали такие события, как Великая французская революция, а затем Отечественная война 1812 года. Нарезный всегда был далек от революционной идеологии; однако порожденное французской революцией вольномыслие, критическое отношение к феодальным нормам и установлениям, дух дерзостного непризнания авторитетов — все это захватило будущего писателя. Отдал он дань и тому патриотическому подъему, который пережило русское общество во время борьбы с наполеоновским нашествием. Событие это получило и прямое отражение в творчестве писателя (в повести «Александр» Нарезный описывал вступление победоносных русских войск в Париж). И, как у многих русских интеллигентов, влияние этих факторов сливалось воедино. Чем выше поднималось национальное самосознание, патриотический дух, тем сильнее росло кри-

тическое неприятие государственных и общественных институтов феодальной России.

Василий Трофимович Нарезный родился в 1780 году, в местечке Устивица Миргородского уезда Полтавской губернии. Отец его, личный дворянин, в прошлом военный, корнет в отставке, владел небольшим имением, но крепостных не имел. Семья добывала хлеб собственным трудом.

Нарежный был земляком Гоголя, но родился двадцатью девятью годами раньше. Три десятка лет — срок для истории небольшой, однако для Украины это время в известном смысле оказалось переходным. Всего за пять лет до рождения Нарезного была ликвидирована Запорожская Сечь; еще живы были внуки участников походов Хмельницкого, еще можно было встретить казаков и казачек в национальной одежде; словом, самобытность этого края ощущалась еще достаточно сильно и отчетливо.

Украина заронила в Нарезном любовь к старине, интерес к народному быту и, как хорошо сказал один из первых его исследователей, «вкус к юмористическому представлению обыденной действительности». Но понадобились годы, чтобы все это нашло отражение в его творчестве.

В 1792 году Нарезный был отдан в дворянскую гимназию при Московском университете, а спустя шесть лет «произведен в студенты» того же университета. Учился он вначале на общем, подготовительном курсе, именуемом курсом «словесных наук», а потом перешел на философский факультет. Программа занятий была довольно широкой и включала в себя не только гуманитарные дисциплины (логику и метафизику, всемирную историю и географию), но и дисциплины естественные и математические.

На пороге студенческой жизни — в 1798 и 1799 годах — стал делать Нарезный первые литературные пробы, печатая свои сочинения в московских журналах «Приятное и полезное препровождение времени» и «Иппокрена, или Утехи любословия». Это были оды, басни, драматические сцены, поэмы, исторический рассказ в прозе, обнаружившие самые различные влияния, в том числе русских поэтов XVIII века (особенно Державина) и, как правило, далекие от стилистической цельности. Однако признаки самобытности уже угадывались; на стихи Нарезного в 1880 году обратил внимание такой оригинальный и филологически образованный литератор, как А. Х. Востоков;⁶ а спустя семнадцать лет Кюхельбекер упомянул Нарезного наряду с Радищевым, как писателей, чьи «усилия» были направлены на обновление русского стихосложения⁷.

Однако в литературных занятиях или, по крайней мере, в печатанье Нарезным своих сочинений внезапно наступил перерыв. В 1801 году по неизвестным нам причинам, выйдя из университета, Нарезный уехал на Кавказ, в Тифлис, и определился на службу в только что учрежденное Грузинское правительство, призванное управлять недавно перед тем присоединившимся к России краем. Нарезный прослужил чиновником правительства до мая 1803 года. Мотивы поступления Нарезного на столь необычную службу, равно как и почти внезапного увольнения, опять-таки неизвестны. Но с уверенностью можно сказать, что пребывание в Тифлисе имело на Нарезного двойственное влияние. С одной стороны, он оказался надолго оторванным от журналов, от литературной среды, от постоянного эстетического общения, столь необходимого для молодого писателя. Но с другой стороны, два года службы оснастили Нарезного большим за-

пасом острых и свежих житейских впечатлений, познакомили не только с нравами и обычаями экзотического края, но и со способом действия тупой и самовластной царской администрации. Той администрации, которая в лице главнокомандующего генерал-лейтенанта Кнорринга и гражданского правителя Коваленского выказывала полное равнодушие и пренебрежение к национальным особенностям и самобытности местных народов, равно как и полное презрение к человеческому достоинству вообще. Кавказские впечатления Нарезного непосредственно отразятся в его будущем романе «Черный год, или Горские князья», а опосредованно повлияют, пожалуй, на всю его деятельность романиста, усилив ее нравоописательное и, прямо скажем, обличительное направление.

С Кавказа Нарезный направился в северную столицу, где вынужден был искать подходящего места. С осени 1803 года — он мелкий чиновник Министерства внутренних дел, а в 1807 году поступает в «Горную экспедицию Кабинета его величества», управляющую далекими Нерчинскими и Колывано-Воскресенскими заводами, и служит здесь пять лет, до 1813 года.

В это время в петербургской литературной жизни назревают острые дискуссии; в год приезда Нарезного в северную столицу выходит знаменитое «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка» адмирала А. С. Шишкова, содействовавшее образованию двух враждебных группировок — «Беседы любителей русского слова» и «Арзамаса». Далекий от литературной среды, Нарезный не находит — или не хочет найти — доступа к обществам. Критическое отношение его к шишковистам и позднее будет зафиксировано в романе «Российский Жилблаз», в фигуре смешного педанта Трис-мегалоса, а также в предисловии сочинителя, но здесь же, в этом романе, высмеяны и излишества чувствительности и сентиментальности, свойственные карамзинистам.

Тем временем Нарезный вновь выходит на литературную сцену: в 1804 году в Москве отдельной книжкой выходит его трагедия «Дмитрий Самозванец», написанная, вероятно, еще в студенческие годы. Произведение это, не отличающееся художественными достоинствами, в свое время приобрело некоторую известность, ставилось на сцене, а с историко-литературной точки зрения трагедия интересна тем, что обнаруживает сильное влияние «Разбойников» Шиллера. На это обратили внимание еще современники; новейшие же исследования открыли один любопытный источник шиллеризма Нарезного: переделку «Разбойников», осуществленную в 1782 году берлинским драматургом К.-М. Плюмике. В этой переделке верный Швейцар убивает Карла Моора, чтобы не отдать своего атамана в руки палачей, и такая непримиримость и бескомпромиссность финала, по свидетельству А. И. Тургенева, понравилась Нарезному. Разговор Тургенева и Нарезного происходил как раз перед написанием «Дмитрия Самозванца», датированного автором 1800 годом⁸.

«Дмитрий Самозванец» вместе с такими ранними вещами Нарезного, как стихотворение «Освобожденная Москва», ознаменовали усилившийся в русском обществе интерес к отечественной истории. Еще отчетливее отразился этот интерес в «Славенских вечерах», первую часть которых Нарезный издал в 1809 году (вторая часть, вместе с первой, вышла уже посмертно, в 1826 г., будучи дополнена произведениями, печатавшимися отдельно в журналах). В «Вечерах» Нарезный попытался создать образ целой страны в определенную эпоху — Киевской Руси, — разумеется, образ достаточно условный и стилизованный, но

пронизанный единым настроением. Сами «вечера», как обрамление, как фон к описываемым событиям, короче, как художественный прием, знакомый Нарезному по Карамзину («Деревенские вечера», 1787), а затем перешедший к Гоголю («Вечера на хуторе близ Диканьки»), к Загоскину («Вечер на Хопре») и т. д., — сам прием вечеров был использован для создания — и одновременно преодоления — исторической дистанции: автор любит думать о прошлом на берегах моря Варяжского, когда его окружает «сон друзей» и «прелестных дев». И следует приглашение читателю: «При закате солнца летнего в воды тихия приходице сюда внимать моему пению. Поведаю вам о подвигах ратных предков наших и любезности дев земли Славеновой»⁹ Фраза «...внимать моему пению» была вполне уместна, так как следовавшие затем рассказы о деяниях предков, эти ритмизированные поэмы в прозе, автор, подобно древнему барду, действительно пел или произносил речитативом. Создавался столь типичный для раннего русского романтизма сентиментальный и одновременно морализаторский тон, в котором документальность летописных свидетельств растворялась оксигеническими красками. Сказалось в «Славенских вечерах» и воздействие новооткрытого «Слова о полку Игореве».

«Славенские вечера» имели успех. Несмотря на это, Нарезный не пошел намеченной было дорогой преромантической стилизации прошлого и довольно резко сменил направление. К началу следующего десятилетия — по свидетельству Н. Греча, уже к 1812 году — Нарезным написан «Российский Жилблаз», произведение, которое открыло период его романного творчества. Увы, дебют оказался трагическим. В 1814 году, тотчас же по выходе из печати первых трех частей романа, последующие его три части были запрещены по причине предосудительности содержания. Одновременно последовало и запрещение продавать вышедшие части, что фактически означало изъятие произведения из умственной и литературной жизни.

Положение писателя оказалось сложным, чтобы не сказать двусмысленным. Он был автором большого произведения, и этого произведения как бы не существовало. О романе нельзя было писать, упоминать в печати, было поставлено под сомнение само его направление — сатирического обличения и бытописания. К тому же был нанесен удар по чисто житейскому, финансовому положению Нарезного. В 1813 году он женился и оставил службу в Горной экспедиции, полагая, видимо, что литературный труд даст ему необходимые средства. Но через год после катастрофы с «Российским Жилблазом», в 1815 году, Нарезному пришлось вновь искать службу. Он поступил в инспекторский департамент (вошедший позднее в состав Главного штаба), где прослужил около пяти лет, до 1821 года.

Но несмотря на все невзгоды, Нарезный продолжает упорно работать. Отныне все его писательские устремления связаны с большой прозаической формой — с романом преимущественно. В 1818 году он передает Вольному обществу любителей российской словесности свой роман «Черный год, или Горские князья», начатый, возможно, еще до «Российского Жилблаза», вскоре после возвращения с Кавказа. Однако Вольное общество не поддержало Нарезного: шокировала стилистическая и языковая грубость, а также шутки «на шет религии и самодержавной власти»¹⁰, и роман напечатан не был. Появился он лишь после смерти автора в 1829 году.

Спустя четыре года, в 1822 году Нарезный печатает роман «Аристион, или Перевоспитание». Через два года выходят «Новые повести В. Нарезного» и роман «Бурсак». А в следующем году, через две недели после смерти писателя, вышли его «Два Ивана, или Страсть к тяжбам». В архиве Нарезного остался еще один роман, над которым он работал в последние годы и завершить не успел, — «Гаркуша, малороссийский разбойник». Увидел свет этот роман лишь в советское время¹¹.

Таким образом, Вяземский, говоря о четырех романах, написанных Нарезным, уменьшил эту цифру на треть: он подразумевал «Российского Жилблаза», «Аристиона», «Бурсака» и «Двух Иванов», не зная о существовании еще «Черного года» и «Гаркуши».

В творческой биографии Нарезного бросаются в глаза некоторые общие, важные для его художественного облика черты. Нарезный был широко образован, его произведения обнаруживают воздействие самых различных источников: помимо уже упоминавшихся Шиллера, Оссиана, помимо русских писателей XVIII века, налицо его знакомство с античной литературой, с Шекспиром, с Сервантесом, Лесажем, с английским нравоописательным романом XVIII века, с немецким Просвещением, с древней русской литературой, не говоря уже о массовой романной, преимущественно лубочного характера литературе.

Но преобладающее направление, строгий стилистический отбор и обработку этих импульсов указать трудно, что имело и отрицательные, и позитивные последствия. Не раз — современники, а затем исследователи обращали внимание на необработанность и грубость вкуса Нарезного. Это так, но в то же время у него была свобода и широта нетрадиционалиста, позволявшие ему не подчиняться господствующим литературным нормам.

С этим гармонировало и относительно отъединенное положение Нарезного в литературной жизни. Отъединенность эту не следует преувеличивать, но факт тот, что в окружении Нарезного крупных или даже сколько-нибудь заметных литературных имен не видно. К существующим литературным объединениям писатель также не примыкал; не только «Арзамас» или «Беседа», но даже покровительствовавшее Нарезному Вольное общество любителей российской словесности в число своих членов его не включало. По положению своему Нарезный был мелким чиновником, «связей с высшими кругами не имел и поэтому остался вдали от верхов русской литературы». «Худородный Нарезный» «должен был делиться своими литературными интересами с канцелярскими коллегами; меценатами его было также канцелярское начальство»¹².

Наконец, еще одна любопытная черта. Среди первых русских романистов бывали такие, которые походили на своих героев, как бы вырабатывая своей собственной биографией необходимый художественный материал. О Федоре Эмине, писателе XVIII века, авторе ряда романов, Карамзин заметил в «Пантеоне российских авторов»: «Самый любопытнейший из романов г. Эмина есть собственная жизнь его...» О Нарезном этого не скажешь, и все же в его жизни было немало романного. Были крутые и не вполне объяснимые переломы, непроясненные ситуации, так напоминающие тайны романического персонажа. Было и дальней странствие, путешествие в экзотическую страну, не только предваряющее типичный для романной конструкции мотив дороги и перемены мест, но послуживший прямым поводом для одного из романов Нарезного

— «Черный год, или Горские князья». Было и противодействие враждебных обстоятельств, коварная игра роковых сил, обреченных, впрочем, в конкретные фигуры цензоров и министров. Было и покровительство могущественных лиц, выручавших порою Нарезного из беды, за что он посвящал им очередное свое сочинение. Не было только одного: счастливой развязки — неперменного условия тогдашней романной поэтики. Это был роман с нетрадиционным, неблагоприятным концом.

Относительное признание пришло к Нарезному лишь с выходом «Бурсака», буквально «под занавес», не принеся ему материального благополучия и не упрочив его общественного положения.

Обстоятельства кончины писателя, последовавшей 21 июня 1825 года, таинственны. Есть сведения, что Нарезный «был подобран пьяный в бесчувственном состоянии где-то под забором». Если это так, — указывает Н. Белозерская, — то становится понятным почти полное умолчание о его смерти газет и журналов. Только «Северная пчела» (1825, № 75) откликнулась кратким извещением, да «Московский телеграф» уже позднее, в связи с выходом «Двух Иванов», обронил глухой, но выразительный намек на «обстоятельства»: «В. Т. Нарезный, скончавшийся в июле сего года, подавал некогда большие о себе надежды. Обстоятельства — тяжелая цепь, часто угнетающая таланты, остановила и Нарезного на его поприще...»¹³

III

Конечно, титул первый («первый русский романист») всегда условен. У любого литературного деятеля, в котором мы видим новатора, всегда найдутся предшественники, близкие или дальние. И все же у критиков-современников, как впоследствии и у литературоведов, были основания настаивать на приоритете Нарезного как романиста. По крайней мере, романиста нового времени, стоявшего у истоков классического русского романа.

Дело в том, что в начале XIX века в русском романе происходит существенная и далеко идущая переакцентировка. Роман предшествующего века, каким он был представлен в творчестве Ф. Эмина, а также — в более низком лубочном варианте — в многочисленных полуоригинальных и открыто подражательных поделках, это был роман приключенческий, авантюрный, откровенно экзотичный. Несбыточность и мечтательность выступали почти синонимами романического. Теперь акцент передвигается на «нравы» — в современности или в прошлом. В предисловии к первому же роману «Российский Жилблаз» Нарезный объявляет свою цель — «описывать беспристрастно наши нравы». Выражение «нравоописательный роман» (наряду с «историческим романом») приобретает определенность термина. В 1836 году А. С. Пушкин констатирует: «Оригинальные романы, имевшие у нас наиболее успеха, принадлежат к роду нравоописательных и исторических. Лесаж и Вальтер Скотт служили им образцами»¹⁴. До исторического романа в собственном смысле слова (и соответственно до следования Вальтеру Скотту) Нарезный не дошел, но первая часть утверждения — о романе нравоописательном, вдохновляемом примером Лесажа — целиком к нему применима.

Переакцентировка находит отражение во внутренней полемике — в сюжете и размышлениях персонажей. В «Аристионе» и «Российском Жилблазе» Нарезный конструирует такую ситуацию, когда чтение авантюрно-лубочных романов

оказывает губительное воздействие на персонажа произведения.

В «Аристионе» испорченный и легкомысленный главный герой, молодой человек, почитает такие книги, как «Полночный колокол», «Пещера смерти», «Таинства удольфские» и т. д. В «Российском Жилблазе» знакомство с «Бовой Королевичем», «Принцессой Милитрисой» и прочими подобными сочинениями сыграло не последнюю роль в том, что княгиня Дуняша оставила своего мужа и пустилась в свет; вслед за отъявленным мерзавцем и соблазнителем князем Светлозаровым. Последний случай интересен скрытым параллелизмом к «Дон-Кихоту» Сервантеса: обманутый и оставленный муж учиняет расправу над книгами («Мерзкие сочинения... да будет терпеть такие же муки во аде ваш сочинитель, как здесь поступлю я с вами...»), подобно тому как священник и цирюльник обрекают на аутодафе романы, помрачившие сознание хитроумного идадьго¹⁵. Полного освобождения Нарезного от традиции, однако, не произошло: ниже мы увидим, как испытанные сюжетные схемы старого романа продолжали свою жизнь в новом материале, под новым покровом.

Итак, с понятием современного романа все более связывалось представление о «нравах» и «нравоописании». Но это должно было быть достаточно подробное, детализированное нравописание (роман обычно состоял из двух и более частей) и в то же время описание широкое по охвату материала. Момент протяженности — во времени и пространстве — превращался в конструктивный фактор. Для романа мало одной сферы жизни, одного ограниченного пространства, будь то помещичья усадьба или городской особняк; необходимо было объединение этих сфер, переход из одной в другую, скажем, из столичной в провинциальную, из городской в сельскую (или наоборот). Создавался широкий пространственный образ: в худшем случае региона, края, в лучшем — страны, государства. На романе этого периода явственно запечатлено стремление к максимально полному национальному самосознанию.

Отсюда видно, почему в начале романного развития в России такое значение приобрел роман плутовской. Западноевропейская традиция плутовского романа от анонимной «Жизни Ласарильо с Тормеса» до лесажевской «Истории Жиль Блаза из Сантьяны» и последующих произведений создала определенный тип мироощущения, противостоящий миру рыцарского романа. На смену герою, наделенному добродетелями, выступил человек недостатков и пороков — «антигерой»; рыцарские приключения заменялись рядом злоключений и проделок сомнительного свойства; место подвигов заняли махинации; мир дегероизированного, грешного человечества. Все это легко применялось к русским условиям — и к русской литературной ситуации. Ведь, с одной стороны, традиция плутовского романа противостояла лубочной героике столь популярного в России романа авантюрного (а также добродетельным персонажам в литературе Просвещения), а с другой — побуждала к нелицеприятному наблюдению и воссозданию современной жизни. Словом, в этой традиции заключался сильный стимул к нравоописанию, причем в его широком, романном выражении.

Один уже выбор плута в качестве центрального персонажа вел за собою предельное расширение всей конструкции романа. Как глубоко объяснил М. М. Бахтин, пикаро по своей природе наиболее пригоден для смены различных положений, для прохождения через различные состояния, что предоставляло ему